

Слова Цзян Яна смутили Линь Сюя. Он почувствовал неловкость, словно кто-то с первого взгляда разгадал его тайные мысли. Щеки слегка запылали, но он постарался сохранить спокойствие, выдержал изучающий взгляд собеседника и, не меняясь в лице, улыбнулся.

А Лян лишь сейчас обратил внимание на то, как одет Линь Сюй. За все годы знакомства он впервые видел его таким нарядным.

— У тебя сегодня свидание? — спросил он.

— Нет, — спокойно ответил Линь Сюй. Он крепче сжал ручку сумки, стараясь не смотреть на стоящего рядом человека.

А Лян повел его в комнату отдыха:

— А я уж подумал, что ты принарядился ради какой-то девушки. Наш великий писатель Линь обычно не заботится о внешнем виде — на встречи с читателями мог прийти хоть в пижаме. Что, решил сменить имидж?

Стены коридора были увешаны постерами аудиодрам, над которыми работала студия. Все они были популярными сетевыми романами, три или четыре из которых принадлежали перу Линь Сюя. Постер «Шахматной фигуры» висел на самом видном месте, а имена главных актеров озвучки были напечатаны крупным шрифтом, вровень с псевдонимом «Сюйтянь».

Взгляд Линь Сюя задержался на постере. Имена «Сюйтянь» и «Цзян Ян» располагались одно под другим, совсем рядом. Уголки его губ едва заметно дрогнули, и на душе стало как-то по-тайному приятно.

— В пижаме? — удивился Цзян Ян и рассмеялся. — Не скажешь, что ты настолько... свободен в своих предпочтениях.

А Лян открыл дверь в комнату отдыха:

— Он известен своей непринужденностью. Никогда не следит за внешностью, не придает значения мнению читателей и вообще не заботится о том, что о нем говорят снаружи. Делает только то, что ему нравится.

— С твоей популярностью ты уже почти публичная фигура. Умение полностью игнорировать чужое мнение — это круто, — искренне похвалил Цзян Ян. — Старший товарищ, ты по-прежнему на высоте.

Линь Сюй открыл рот, собираясь объясниться, но слова застряли в горле. Ему очень хотелось сказать, что всё совсем не так. Что он вовсе не такой уж выдающийся и что ему не наплевать на критику. Напротив, он чувствует себя ужасно и волнуется до смерти. Он уже давно перестал

быть тем Линь Сюем из университетских времен. Тот живой, беззаботный юноша давно превратился в руины, время стерло его гордость и уверенность, а под кожей скрывалось израненное тело. Он боялся выставлять свои раны на свет, предпочитая прятаться в темноте и зализывать гноящиеся шрамы.

Линь Сюй часто видел в глазах читателей на автограф-сессиях такое же восхищение, и он давно выработал иммунитет к подобному подобию страсти. Но улыбка Цзян Яна была такой теплой и красивой, а взгляд — таким темным и ясным. Может, Линь Сюю показалось, но в этом взгляде он уловил нотки нежности и надежды.

Линь Сюй давно научился понимать людей, но теплоту этого взгляда он почувствовал. Он был влюблен в Цзян Яна пять лет. Даже если поначалу его привлек голос, а затем поразила внешность, даже если спустя годы бывшее волнение поутихло — сейчас, увидев Цзян Яна снова, он понял: привязанность к человеку может стать подсознательной привычкой.

Голос Цзян Яна был для него сродни наркотику. Как заправский наркоман, он не мог существовать, не слушая записи Цзян Яна. Это был его способ продлить себе жизнь, единственный свет в те времена, когда он падал в бездну.

Чувство влюбленности не исчезло. Каждый взгляд и каждая улыбка Цзян Яна заставляли сердце биться чаще, оказывая на Линь Сюя фатальное воздействие. Он наслаждался похвалой человека, в которого был тайно влюблен — это тешило его тщеславие. Неважно, что о нем думают другие, важно лишь сохранить безупречный образ в глазах Цзян Яна.

Линь Сюй закусил губу и ответил легкой улыбкой:

— Ты тоже.

Комната отдыха была просторной и светлой, в центре стоял большой черный диван. А Лян посидел с ними немного, а когда Сяо Вэнь вернулась с водой, ушел вместе с Цзян Яном по делам.

Линь Сюй вместе с режиссером и Сяо Вэнь обсуждали сценарий, разбирая спорные и откровенные сцены. Линь Сюй также изложил основные идеи по изменению второй половины сюжета. Согласно текущему плану, у «Шахматной фигуры» должно быть шесть сезонов, а производство каждой аудиодрамы отнимает уйму времени, поэтому добиться непрерывности между сезонами крайне сложно. Слишком большое количество сезонов может охладить пыл аудитории, что плохо скажется на статистике, ведь успех аудиодрам в жанре «даньмэй» почти полностью зависит от поддержки читателей.

Режиссер озвучил эти опасения, предлагая вырезать часть сюжета.

— Мне кажется, не стоит, — первой высказалась Сяо Вэнь. — Я читала оригинал. Господин Линь уже убрал неважные моменты, сценарий и так очень плотный. Нет смысла сокращать его

еще больше ради уменьшения количества сезонов. К тому же, сейчас основная линия политических интриг отлично переплетается с чувствами. Если переделывать, возникнет ощущение разрозненности.

Линь Сюй смотрел в экран компьютера, прокручивая колесико мыши, и молчал.

Сяо Вэнь сделала большой глоток воды и продолжила:

— Мы уже делали проекты по пять-шесть сезонов. Если работа хорошая, разве стоит переживать из-за их количества?

Режиссер возразил:

— Ты думаешь только о читателях оригинала. Мы как продюсеры должны смотреть шире. Аудитория аудиодрам не ограничивается только фанатами книги, нужно учитывать и мнение обычных слушателей. Это как с сериалами: если второй сезон выходит спустя полгода, помнишь ли ты, что было в первом?

Сяо Вэнь замолчала.

— Когда сезонов много, а перерывы между ними длинные, захочет ли человек ждать историю, с которой он еще не знаком? — добавил режиссер.

Сяо Вэнь смущенно закусила трубочку:

— Хм... В этом есть смысл.

— Я обдумаю ваши замечания, — сказал Линь Сюй. — Вернусь домой и еще раз переработаю.

Режиссер довольно кивнул:

— Благодарю за труд.

— Это моя работа.

Сяо Вэнь вместе с одним из помощников режиссера собирались уходить по делам, и перед уходом режиссер спросил Линь Сюя, не хочет ли он пойти с ними.

— Нет, — Линь Сюй закрыл ноутбук. — Хочу посмотреть на процесс записи «Шахматной фигуры».

Сяо Вэнь, торопясь, не могла уделить гостю внимание, поэтому позвала помощника, чтобы тот проводил Линь Сюя в студию звукозаписи.

Внутри шла работа. Перед пультом сидели двое сотрудников и двое режиссеров, а за стеклом, сидя бок о бок, находились Цзян Ян и Син Син. Один из режиссеров, заметив вошедшего Линь Сюя, приветливо улыбнулся:

— Господин Сюйтянь, вы пришли.

Линь Сюй положил сумку на журнальный столик, взял протянутую помощником теплую воду и не отрывал взгляда от профиля Цзян Яна.

— Эмоции не те, — произнесла в наушники женщина-режиссер. — Тон Гуань Юэчэня должен быть жестче. Его только что обидели, голос должен звучать хрипло, надрывно.

Слово «обидели» заставило Линь Сюя вспомнить сюжет восьмой серии. Он увидел, как Син Син виновато улыбнулся и показал Цзян Яну язык — видимо, просил прощения. У Син Сина было стандартное овальное лицо, не сказать, что очень красивое, но с детской припухлостью, выглядел он довольно мило и посматривал на Цзян Яна с кокетством.

На лице Цзян Яна тоже была улыбка, но скорее усталая. Он потер переносицу, показал режиссеру тыльную сторону ладони, покрытую красными следами, и тут же встретился взглядом с Линь Сюем. Глаза Цзян Яна засияли, он помахал Линь Сюю рукой. Син Син тоже обернулся и поприветствовал его. Линь Сюй спокойно кивнул в ответ.

Женщина-режиссер усмехнулась:

— Ладно, не впервой же постельные сцены записываете. Давайте, настройтесь, постарайтесь закончить серию до конца смены, иначе за переработку не обессудьте.

Услышав о переработке, оба тут же перестали улыбаться и сосредоточились на тексте.

— Господин Сюйтянь, хотите послушать их запись? — спросил стоявший рядом помощник режиссера.

Линь Сюй повернулся к нему:

— Можно?

— Конечно, — улыбнулся тот. — Иначе какой смысл вам присутствовать на записи?

Он протянул Линь Сюю свои наушники. Тот поблагодарил и, нетерпеливо надев их, услышал голос Цзян Яна.

— Режиссер, может, не надо так жестко? Вэй Хуэй только что поиздевался над ним, мне кажется, он должен пребывать в состоянии глубокого удовлетворения.

Цзян Ян внимательно смотрел в сценарий, анализируя психологию персонажа.

— Да, сначала он доволен, — ответила режиссер. — Но когда Гуань Юэчэнь упоминает убийство матери, он приходит в ярость. Однако это не должно быть слишком очевидно. Он не хочет, чтобы кто-то другой управлял его эмоциями.

Они повторили сцену. Син Син начал с прерывистого дыхания, сопровождаемого стонами, Цзян Ян тоже тяжело дышал. Линь Сюй, не отрываясь, смотрел на Цзян Яна. В горле пересохло, он сделал несколько глотков воды.

— Не трогай меня, — голос Гуань Юэчэня дрожал, в нем сквозило отвращение.

Линь Сюй увидел, как Цзян Ян усмехнулся. Вся его аура мгновенно изменилась, даже на таком расстоянии Линь Сюй почувствовал холод. Цзян Ян заговорил другим тоном — ленивым, довольным, и образ жестокого, холодного князя Шэна тут же ожил.

— Мы еще даже с кровати не встали, а ты уже отворачиваешься? Кто это только что так громко стонал?

Гуань Юэчэнь на мгновение замолчал, затем процедил сквозь зубы:

— Вэй Хуэй, не слишком ли ты зашел?

— Это я слишком тебя балую, — улыбка в голосе Вэй Хуэя померкла. — Ты прекрасно знал, что мы с третьим братом не ладим, и специально пошел с ним на сделку, из-за чего я потерял тот участок земли на северной окраине... Впрочем, мне было все равно, но ты никогда не учишься на ошибках, и это меня злит.

— Я уже говорил: я не твоя игрушка, ты... — Гуань Юэчэнь глубоко вздохнул, подавляя эмоции.  
— Ты не можешь держать меня взаперти всю жизнь.

Вэй Хуэй с полуулыбкой спросил:

— А если я хочу запереть тебя навсегда? Думаешь, если подцепил третьего брата, то можешь творить что хочешь? Думаешь, император не знает, что я с тобой делаю?

Гуань Юэчэнь затаил дыхание.

Вэй Хуэй, пребывая в отличном настроении, добавил:

— Император закрывает на это глаза, Его Высочество Линьюань. Порой ты бываешь слишком наивен.

Его голос становился медленнее, тише, наполняясь соблазном:

— О чем ты вообще мечтаешь? Разве не лучше просто оставаться рядом со мной?

— Лучше? — Гуань Юэчэнь вдруг рассмеялся, не скрывая насмешки. — Ты думаешь, можно верить словам человека, который убил собственную мать? Его Высочество князь Шэн, сколько из того, что ты обещал, ты выполнил? Пусть власть князя И не так велика, как твоя, но он хотя бы держит слово. Ты — убийца матери и брата, ты подонок! Хуже зверя!

Чем больше он говорил, тем сильнее злился. Сдерживаемые эмоции вырвались наружу подобно прорвавшейся плотине. Хриплый голос звучал надрывно, до боли в сердце, в нем слышались явная обида и ненависть.

В этот момент Линь Сюй осознал, что, несмотря на юный возраст, Син Син, как и Цзян Ян, действительно мастер своего дела — он смог так точно передать столь сложные чувства. Раньше Сяо Вэнь упоминала, что А Лян лично отобрал их в студию, и они сразу получили главные роли.

— Да, я подонок, и никогда этого не отрицал, — голос Вэй Хуэя стал ниже, он процедил сквозь зубы: — Поэтому лучше спрячь свою хитрость подальше. Гуань Юэчэнь, знай свое место.

Линь Сюй подошел ближе к Цзян Яну и увидел в его глазах ледяной холод персонажа. Впервые он видел у Цзян Яна такой взгляд — мрачный, жестокий. Дыхание актера стало тяжелым, в нем явно чувствовался подавленный гнев. Когда Линь Сюй писал эту сцену, он представлял именно лицо Цзян Яна. В этот момент персонаж словно ожил: внешность и голос идеально совпали. Вэй Хуэй перестал быть плоским персонажем — Цзян Ян наполнил его жизнью.

— Окей, на сегодня хватит, закончили.

Стоило режиссеру дать команду, как холод в глазах Цзян Яна мгновенно исчез. Подняв взгляд, он встретился с полным обожания взглядом Линь Сюя и на миг замер. Линь Сюй понял, что выдал себя, опустил глаза, сделал глоток воды и отошел в сторону.

— Господин Сюйтянь, вы завтра тоже придете? — спросил помощник режиссера. — Я подготовлю для вас отдельные наушники.

Линь Сюй кивнул:

— Приду.

Дверь за стеклом открылась. Цзян Ян первым вышел со сценарием в руках и, улыбнувшись Линь Сюю, спросил:

— Старший товарищ, как я справился?

Линь Сюй похвалил:

— Великолепно.

Син Син, выйдя следом, высунулся вперед:

— А я? Как я, господин Линь?

Улыбка Линь Сюя не исчезла, но в голосе проскользнула отстраненность:

— Тоже очень хорошо.

— Меня похвалил тремя словами, а Син Сина — пятью, — посетовал Цзян Ян. — Господин Линь, вы предвзяты.

Син Син довольно обнял Цзян Яна за плечи:

— Это значит, что я лучше тебя!

Увидев этот жест, Линь Сюй на мгновение отвел взгляд, прочистил горло и сказал Цзян Яну:

— Я хочу пригласить тебя... на ужин?

Цзян Ян сделал пару шагов в сторону, отстраняясь от Син Сина, и удивленно приподнял бровь:

— Пригласить меня?

— Да, мы давно не виделись, — Линь Сюй подбирал слова, стараясь звучать естественно. — К тому же, ты вчера говорил... что можно как-нибудь встретиться?

— Но у Яна-гэ нет времени, — перебил его Син Син. — Позавчера я звал его, он сказал, что у друга сломана нога и нужно ухаживать за ним в больнице.

— О, вот как, — Линь Сюй дернул уголком рта. — Тогда...

— У меня есть время, — ответил Цзян Ян, доставая из кармана телефон.

Линь Сюй посмотрел на него.

— Я знаю здесь один новый ресторан сычуаньской кухни, говорят, неплохой, — Цзян Ян постучал пальцем по экрану. — Забронировать столик?

Разочарование в глазах Линь Сюя сменилось радостью. Он слегка улыбнулся:

— Как решишь.

<http://bllate.org/book/21803/2256460>